

ЯНВАРЬ 1918 года

Самым настоящим чудом можно назвать то, что в книжном фонде Новгородского музея сохранилась подшивка газеты «Новгородское вече». Ведь чистка библиотек во все после-революционные годы была делом обычным: изымались и уничтожались книги и газеты, в которых находили хотя бы намек на анти-советские высказывания.

А эта начала выходить за неделю до Октябрьского переворота и в открытую выступала за Учредительное собрание, против большевистского насилия. Кстати сказать, издателем ее было товарищество кооперативных союзов Новгородской губернии и, казалось бы, не должно было заниматься политическими делами. Но, видно, уж такое время: «Рушится ста-

рый век, наступает новый. И никто не может знать, каким будет его строй. Зато знаем, что былому не вернуться... Мы ждем хозяина-распорядителя земли — Учредительное собрание. Наш идеал, чтобы народ сам управлял своими делами и своим трудом», — так писала газета в первом номере.

Интересно однако, что после захвата власти большевиками, не было у издателей газеты и веры в это самое собрание. Вот строчки из ноябрьского номера: «На протяжении всей русской истории было раболопное преклонение перед одним лицом. И нынешняя революция приняла такой же характер. Был ореол вокруг царей Романовых, затем перешел на Керенского, потом на

Ленина... А еще потом на кого перейдет? При таком отношении и само Учредительное собрание могут разогнать, а ведь только оно и может показать — отрасли ли у нас крылья подлинной свободы. И, может, мы еще убедимся, что некоронованный тиран еще хуже, чем коронованный!».

О самих событиях Великого Октября (так мы обычно говорили) газета пишет довольно скупо, больше бранит существовавшие в губернии партии за нерешительность: «Великое горе постигло Россию и грозит утопить ее в слезах и крови... В этом сознании в Петрограде все партии и организации выступили на борьбу с большевиками. А новгородские партии и совет трусливо забились в темный угол и с мелкой нервной дрожью лепечут: «Да минует меня чаша сия». А дальше еще интересное провидение: «Великая наша держава развалилась теперь на ряд бессильных областей, враждующих между собой. Народ, считавший себя старшим из славянских племен, потерял всякое значение даже среди мелких народностей, населяющих окраины России. Что дальше будет? В Россию нахлынет масса иностранного товара, который будет невыгодно обменять на наш хлеб; капиталисты разных стран будут укреплять свое благополучие на недоедании и чрезмерном труде русского мужика».

Достаточно подробно рассказал «Вече» о событиях 5—7 января 1918 года. Принято считать, что в Новгороде была тогда попытка контрреволюционного мятежа. Но, судя по газете, большевистский Совет ввел военное положение

только потому, что в городе проходили митинги в защиту Учредительного собрания. Больше сотни участвовавших в них демонстрантов были арестованы. А в воскресенье, 7 января, чуть ли не весь Новгород собрался на Софийской площади, потому что кончались Святки. Многие пришли в театр и цирк, на каток, в кинематограф. На Торговой же площади снова собрался митинг. «В половине девяти, — писала газета, — к зданию Совета (бывшее Новгородское собрание) двинулась толпа, которая остановилась у Летнего сада. К Совету пошли 25 человек для перегово- об освобождении арестованных. По ним без предупреждения открыли огонь из ружей и пулеметов. Везде начались страшный переполох и давки... Убито было 8 человек, ранено 20».

О том, что никакого мятежа не было, можно судить и потому, что уже новым, советским, судом был оправдан губернский комиссар Булатов, якобы главный его зачинщик. Также были оправданы и арестованные участники ударного батальона, квартировавшие в Антониевском монастыре. Суд установил, что и здесь заговора не было.

С глубокой печалью писало «Вече» и о разгроме новгородского земства, называя причиной этого политическую нетерпимость большевиков. И тут провидчески изрекало: «Когда полоса большевизма пройдет, земство воспрянет и возродятся старые земские традиции — дружная совместная работа всех живых сил, чуждая политики и борьбы всяких политических течений мысли».

ЗАБЫТАЯ ВОЙНА

Что бы мы ни говорили, а все-таки коротка, наша память. Листаю я полосы нынешних — еще не пожелтевших — газет и журналов и ни слова не попалось мне об русско-японской войне, которая началась в феврале 1904 года и закончилась подписанием мирного договора в сентябре 1905 года. Да, пожалуй, не каждый из нас знает и то, что именно тогда родились знаменитые вальс

«На сопках Манчжурии» и песня «Гибель «Варяга».

Тяжкой была та война. И громадная Россия потерпела поражение в схватке с крошечной Японией: по договору она потеряла свое фактическое господство в Манчжурии и Корею и южную часть Сахалина. Не потому, что неостало храбрости нашим воинам. Ректор Новгородской духовной семинарии архимандрит Сер-

гий уже после подписания мира так говорил: «Много было там героев, но ни одной победы. Это суд Божий, возмездие за наши грехи — за богоотступничество, за нравственную распушенность, за бессердечие, себялюбие, корыстолюбие, леность. Когда там лилась кровь, здесь рекой лилось вино, гремела музыка. Там умирали за царя и Родину, здесь земля наполнялась смутой и

крамолой...».

Не сказал Сергей еще о том, что русская армия была плохо вооружена. У японцев уже были скорострельные пушки, пулеметы, минометы, ручные гранаты, а наши солдаты шли в атаку с трехлинейной винтовкой и штыком.

Зато потери были громадными. О них сужу по спискам погибших воинов, которые регулярно печатались в «Новгородских гу-